

Владимир Соляр

Владимир Соляр – поэт, публицист, историк, бард, продюсер. Автор четырёх сборников стихов и многочисленных публикаций в изданиях Латвии, Литвы, Эстонии, России, Белоруссии, Украины, Узбекистана, Франции, Швейцарии, Чехии и США. Автор пяти дисков собственных песен, лауреат поэтических и песенных фестивалей в Латвии и за рубежом, в том числе: «Грушинского фестиваля», в интернет-версии, гран-при чешского фестиваля «За туманом» (Прага – Усти-над-Лабем), почётный гость фестиваля «Балтийская ухана» (Балтийск, Калининградская обл.), белорусского фестиваля «Большая бард-рыбалка» (Быхов, Могилёвская обл.), тартуского фестиваля «Музыка листопада» (Тарту, Эстония) и других... Две песни добавлены в золотой фонд «Грушинского фестиваля» авторской песни.

Постоянный член жюри поэтических конкурсов «Под небом Балтики» (Таллин, Эстония), «Славянская лира» (Полоцк – Минск, Белоруссия) и различных бардовских фестивалей. Член Союза писателей России, Союза русских писателей Латвии и международного общества рижских литераторов «Светоч». Живёт в Риге.

ФАНТАСМАГОРИЯ

Повисла ночь,
и сдавлен стон,
исторгнутый волной дыханья,
и чуткий, фрагментарный сон
стал размышлений основаньем.
И еле теплящийся свет
смягчил и контуры, и краски.
Ночь – обезличенный предмет,
где нет людей, а только маски.
Кто в полудрёме, кто во сне,
те, доля чья иной не будет,
они – бредущие во тьме –
до смерти умершие люди.

Но нет.
Я вовсе не о том...
Среди потерь и обретений
я заполняю спящий дом
сюжетами из сновидений.
И вереницей, без конца,
мерещатся мирские страсти:
то пламень жаркого лица,
то вечное –
в чём смысл и счастье?!
Но
обесточен проводник,
и на экране – угасанье,
и только полка старых книг –
как доступ к тайнам мироздания...

Хотелось жажду мне унять,
завесу тайны приподнять.
Казалось явное неясным,
а непонятное – опасным...
Плутал...
Участия искал,
учился чтению по лицам,
и перелистывал страницы,
и вот – от поисков устал...
И, не открывшись никому,
в себе замкнулся и, отчасти,
обрёл нечаянное счастье –
побыть немного одному.

МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

Умолял я:
– Только свети,
ведь кому быть, как не тебе,
и внезапной вспышкой в судьбе,
и Звездой негасимой в пути...
Отвечала:
– Накала нет,
как у лампочки в тридцать ватт...
Но твоей я способности рад
излучать и тепло, и свет.
Мне предать, повернуть нельзя,
если взят на Звезду курс,
ведь не пройдена мной стезя
и не выработан ресурс...

И вольфрама, и жизни нить –
что им стоит перегореть,
а хотелось бы долюбить,
додышать, дожелать, допеть...
Но темнеет к исходу дня,
я же всё прошу:
– Дажь мне днесь...
Если света нет у тебя,
у кого же тогда он есть?

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Чтоб встретить золотой рассвет,
я выйду к морю утром рано:
в тот кинозал билетов нет,
где служит небосвод экраном.
Отбросив утреннюю лень,
не дав и шанса укоризне,
я встречу самый первый день
ещё не прожитой мной жизни!

* * *

Полуодин ополоумел.
Звать, чувствовать, желать тебя...
Твой шёпот различая в шуме,
лист календарный теребя.
Всё ждаль – вот-вот откроешь двери,
через порог и напрямик...
Ты – вечная моя потеря
и обретение на миг.

ОДИНОЧЕСТВО

Проживает со мной одиночество –
квартирует угол за так.
Одиночество, ваше высочество,
я во всём непрактичный простак,
а у вас – ни имени-отчества,
лишь немое присутствие есть,
и давно мне роднее прочих став,
вы и совесть моя, и честь.
В стороне от большого общества,
от торгов его и оков,
нам надёжнее с одиночеством
без советчиков и врагов,
без заступников с их могуществом,
коим – что проклясть, что воздать...
Но бесспорное преимущество –
в том, что некому нас предать.

Из судьбы своей, словно прочь с листа,
удалить бы порочную грязь
и прощенья у одиночества
попросить, ничего не стыдясь,

не спешить оправдаться дочиста,
а покаяться во грехах
и, найдя исцеленье в творчестве,
исповедоваться в стихах...
Так бок о бок живём с одиночеством
и давно не ждём перемен,
а совместное наше зодчество –
возведение призрачных стен.
Я не верю давно в пророчества,
но одна мысль преследует вновь –
мне даровано одиночество –
как единственная любовь.

НОКТЮРН

В полночь я выхожу на балкон,
где рождаются стихотворенья.
Ночь – бездонный чернильный флакон,
в нём я черпаю вдохновенье.
Там отчётливо звёзды видны,
их бессонница где-то включает
и лимонную дольку луны
подаёт мне к вечернему чаю.
Млечный Путь напорошил снегов –
и мерцают кристаллы в граните...
Эту звёздную россыпь стихов
забирайте с собой и храните.

МУЗЫКА ФЕВРАЛЯ

Она жила. Она цвела
узором на февральских окнах,
писала вязью на полотнах
заиндеветшего стекла.
Она хрусталиками льда
похрустывала в хрупких лужах,
в них, наспех застеклённых стужей,
ещё вчера была вода...
Метель замаялась уже
метаться в пляске ми минора.
В портал продрогшего собора
вмерзали льдинки витражей.
Пурга кружилась в кураже,
в органных трубах выла вьюга.
То ли соната, то ли fuga
вещала песней ворожей.
И вот, войдя в ажиотаж,
во двор, под арку, проскользнула,
но не умолкла, не уснула,
а поднялась на мой этаж;
и притаилась в тишине,
и в скрипе половиц в прихожей,
как оторопь, была похожей
на дрожь – ознобом по спине...

Озябших клавиш белизна
и пальцев нервное касанье
не нарушали допоздна
её прихода ожиданье.

А звук, рождаясь, замирал,
хоть тишины и не боится,
как в дом влетающая птица,
в холодной комнате дрожал,
и в разлинованных листах,
томящихся в плену дремоты,
где птицами на проводах –
ещё не сыгранные ноты...

ОЖИДАНИЕ

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя вёсла по озёрам,
А Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Сергей Есенин

Пишут мне на бересте берёзы¹,
души доверяя письменам,
и берёзового сока слёзы,
как по лицам, льются по стволам...
В чём неистошимых мук причина?
В чём слезы загадочная грусть?
И какая скорбь печаль-кручина
одолела сказочную Русь?

Может, солнца луч померк навеки
и не врожит былинный лес,
помутнели родниковы реки
и голубоглазый взгляд небес?
Не взмывают соколы, как прежде,
не выводят трели соловьи;
или нету веры и надежды,
как высокой, жертвенной любви?!
Чернозёмом не вздыхают пашни,
не блистает позолотой рожь,
и не пахнет корочкой домашней,
и по бездорожью не пройдёшь...
Буреломы, топи да болота,
и тому конца и края нет...
Всё по злему умыслу кого-то
или по велению планет?!

И когда исполнятся заветы,
и когда наступит благодать?!
Кто руками разведёт все беды,
сможет защитит, а не предать?!

Отделяя быль от небылицы,
разожжёт огонь на алтаре...

ПЕСНЬ СЛАВЯНСКАЯ

В прогноз конца и скорой смерти
Не верьте, русские, не верьте.
В ряды невидимые стройтесь,
Не бойтесь, русские, не бойтесь.
От сна и ужаса очнитесь, –
Молитесь, русские, молитесь.
И вновь – доспехи одевайте,
Вставайте, русские, вставайте!

Людмила Щенахина

Что случилось с тобой, Россия,
отчего встрепенулся мир?
Истерия, сменив эйфорию,
взорвала весь фальшивый эфир!
Те, кому мы давно – костью в горле,
предлагали нам плен и тлен,
но испытывать будут доколе
несгибаемость наших колен?!

Прозорливы, мудры были предки,
завещав нам – держаться гуртом,
но не вняли советам детки –
каждый сам себе выстроил дом.
Стали жить за высоким забором,
иноземцев пустили во двор,
поддались сладким их уговорам –
подписали себе приговор:
позабыли героев могилы,
песни, сказки, былины свои,
растеряли великие силы
и свернули с родной колеи...
А иуды готовили тризну
и врагу, чем смогли, – помогли:
за копейки скупали Отчизну,
чтобы перепродать за рубли.
Вот и снова во вражеском стане
зреют планы, как Русь погубить...
Хватит ссориться, братья-славяне,
хватит общие земли делить!

Триколор развевайся державный,
золотой занимайся восход!
Поднимайся, народ православный,
отправляйся в великий поход!
Третий Рим – вековая Россия,
а Москва – величавая мать.
Завещал нам Спаситель-Мессия,
что четвёртому не бывать!

¹ Три берёзки в поле – три сестрицы –
в ожиданье трёх богатырей...